

ЭШЛИ ЭЛСТОН

Права на экранизацию у создателей
«Всем парням, которых я любила»
от NETFLIX!

10
ВМЛАДАНЬМ
СЕРПЮЮ
ВСЛА

КНИГА ПЕРЕВЕДЕНА
НА 25 ЯЗЫКОВ.

Повезет в любви

Эшли Элстон

10 свиданий вслепую

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Элстон Э.

10 свиданий вслепую / Э. Элстон — «Издательство АСТ»,
2019 — (Повезет в любви)

ISBN 978-5-17-117638-9

Софи с нетерпением ждет каникул, чтобы провести их со своим парнем, но тот неожиданно бросает ее. Сердце девушки разбито, и она совсем не в восторге от того, что теперь ей придется остаться в доме своих бабушки и дедушки с многочисленной родней. К ужасу Софи, ее бабушка придумывает способ отвлечь внучку от переживаний – устроить ей десять свиданий вслепую. Все члены семьи принимают участие в подборе парней для Софи и даже делают ставки на успех каждого свидания. К чему приведет эта безумная затея, особенно когда бывший Софи, узнав о свиданиях, решает вернуть девушку?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-117638-9

© Элстон Э., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пятница, 18 декабря	6
Суббота, 19 декабря	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эшли Элстон

10 свиданий вслепую

Ashley Elston
TEN BLIND DATES

Copyright © 2019 by Ashley Elston
© Т. Хазанзун, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Моему мужу Дину, с которым я познакомилась на свидании вслепую в День святого Валентина в 1992 году

и

моим брату и двоюродным братьям и сестрам: Джордану, Стиву, Тодду, Мэттью, Бэт, Гейбу, Кэти, Анне Марии, Сарабэт, Джессике, Ребекке, Мэри Ханне, Эмили, Индиш, Кэтрин, Мадлен, Хейли, Амис, Римс и Джошу.

Спасибо за мое волшебное детство, проведенное с вами.

Пятница, 18 декабря

– Ты уверена, что не поедешь с нами?

Мама свешивается из пассажирского окна и крепко сжимает меня в объятиях уже в десятый раз за последние десять минут. Умоляющий тон ее голоса делает свое дело: я едва сдерживаюсь, чтобы не сдаться и не прыгнуть на заднее сиденье машины, хотя нахожусь в шаге от первого глотка свободы. В ответ я обнимаю маму крепче обычного.

Папа наклоняется вперед, отчего его лицо подсвечивается мягким голубым светом приборной панели.

– Софи, нам очень не нравится оставлять тебя здесь на Рождество. Кто проследит за тем, что я сделал вилкой достаточно дырок в арахисовых печенках? Не уверен, что мне одному можно доверить это.

– Уверена, что ты справишься, – смеюсь я.

Я тоже справлюсь. Прощаться тяжело, но я ни под каким предлогом не собираюсь маяться полторы недели в доме Марго, глаза на ее распухшие ноги и руки.

Мои родители едут в Брукс Бридж – маленький городок в Южной Луизиане, в четырех часах езды отсюда, к моей сестре и ее мужу. Через шесть недель Марго должна родить первенца. У нее развилась сочетанная преэклампсия, и даже не спрашивайте меня, что это значит. Я знаю только то, что у нее чудовищно распухли ноги и руки. И я знаю об этом только потому, что Марго все время лежит в постели и так ужасно скучает, что постоянно шлет мне фотки своих распухших ног со всевозможных ракурсов.

– Я ведь не остаюсь одна, – продолжаю убеждать я родителей. – Я буду в компании бабушки, дедушки и еще двадцати пяти родственников.

Папа закатывает глаза и бормочет:

– Не понимаю, почему все они все время торчат в одном доме.

Мама толкает его в бок. Наша большая семья – не повод для шуток. Моя мама – одна из восьми детей, и у каждого из ее сестер и братьев есть по несколько собственных детей. В доме бабушки с дедушкой всегда полно людей, но во время праздников он превращается в Центральный вокзал Нью-Йорка. Кровати и места за столом распределяются по старшинству, поэтому, когда я и мои двоюродные сестры были помладше, мы проводили канун Рождества, укладываясь как сардинки на соломенном тюфяке, брошенном прямо на пол, и ели чуть ли не на коленках.

– Ты уверена, что не хочешь остаться с Лизой? В ее доме будет потише, – предлагает мама.

Уверена. Мне будет хорошо у бабушки с дедушкой.

В доме тетушки Лизы, *возможно*, будет потише. Они с мамой – близняшки, родились с разницей в три минуты, и поэтому она приглядывает за мной так же пристально, как и мама. А это совсем не то, чего мне хочется. Мне хочется немного свободы и побыть наедине с Гриффином. Когда живешь в маленьком городке, где твой отец – начальник полиции, уединиться получается редко.

– Ладно. Мы с папой вернемся вечером после дня рождения бабушки. Потом откроем подарки. – Мама ерзает на переднем сиденье, явно не готовая уезжать. – Если бы родители Брэда уже не уехали туда, нам бы не пришлось ехать. Ты же знаешь, как его мама всегда старается навести порядок в кухне Марго и переставляет вещи. Не хочу, чтобы Марго переволновалась, гадая, что эта женщина делает на ее кухне, в то время как она сама не может встать с постели.

– И упаси боже, чтобы *его* родители заботились о *твоей* дочери, – поддразниваю я.

Мама слишком трясется над нами. Марго лишь сказала, что к ним приезжают родители ее мужа, и этого хватило, чтобы мама тоже начала собираться в дорогу.

– Мы могли бы подождать и поехать утром, – предлагает мама отцу.

Папа мотает головой, прежде чем она успевает договорить.

– Мы доедем быстрее, если поедем вечером. Завтра – последняя суббота перед Рождеством. На дорогах будет столпотворение. – Он еще раз наклоняется и встречается со мной взглядом. – Собирай вещи и немедленно поезжай к бабушке с дедушкой. Позвони им, чтобы они знали, что ты выехала.

В этом весь отец – сама деловитость. Впервые за много лет отца не будет в полицейском участке несколько дней.

– Хорошо.

Я еще раз обнимаю маму, посылаю воздушный поцелуй отцу, и они уезжают.

Ярко-красные задние фары внедорожника наконец исчезают, и меня захлестывает поток эмоций – дрожь предвкушения вкупе с болью, поселившейся глубоко внутри. Из всех сил стараюсь от нее избавиться. Не то чтобы я не хотела быть с ними – от одной мысли, что рождественским утром я проснусь без родителей, мой желудок скручивается в тугий узел, – но я просто не в состоянии провести все каникулы в тесной квартире Марго и Брэда.

Вернувшись в свою комнату, я первым делом звоню бабушке, сказать, что приеду к ней через несколько часов. Ее отвлекают: в трубке слышны громкие голоса покупателей, заглянувших в ее цветочный магазин, и понятно, что она слушает меня вполуха.

– Поезжай осторожно, милая, – просит бабушка. Уже вешая трубку, я слышу, как она кричит кому-то, сколько стоит пуансеттия в оранжерее Рэнди, и усмехаюсь.

Сейчас шесть часов, и из Миндена до Шривпорта, где живут мои бабушка с дедушкой и остальная семья, ехать недолго. Бабушка не будет ждать меня раньше десяти.

Четыре великолепных часа для себя.

Я падаю на кровать и смотрю на медленно вращающийся под потолком вентилятор. Хотя мне уже семнадцать, родители не любят оставлять меня одну дома. И даже когда такое случается, обязательно кто-нибудь да заглянет, чтобы *просто проверить, как дела*. Такая вот фигня.

На ощупь нахожу на кровати телефон и звоню Гриффину, чтобы сообщить ему, что осталась в городе, но после восьми гудков включается голосовая почта. Надиктовываю текст, потом жду, когда на экране появятся три точки. Я не говорила ему, что пытаюсь убедить родителей оставить меня: зачем расстраиваться, если ничего не выйдет?..

Гипнотизирую пустой экран еще несколько секунд, потом бросаю телефон на кровать и подхожу к столу, где раскиданы косметика, цветные карандаши и лаки для ногтей. Вся доска на стене передо мной увешана карточками колледжей, которые я рассматриваю для поступления. К каждой из них прикреплены список плюсов (написаны зеленым цветом) и минусов (красным) и все требования к абитуриентам. На нескольких нарисована большая зеленая галка, означающая, что все требования выполнены и я принята, но на большинстве стоит отметка, что известий о зачислении пока нет. Я называю это «доской вдохновения», а мама говорит, что это «доска моего безумия».

Взгляд падает на первую карточку, которую я повесила в начале девятого класса: Университет Луизианы. Когда-то я думала, что это единственный колледж, который мне нужен. Но со временем поняла, что нужно иметь несколько вариантов.

Телефон булькает, и я бросаю взгляд на кровать. Но это не сообщение от Гриффина, а просто уведомление о том, что кому-то понравился мой последний пост.

Я еще раз окидываю взором пустые карточки, прикрепленные к доске, и вдруг начинаю думать о Гриффине. Мы встречаемся уже около года, однако школа всегда стояла для нас на первом месте, поэтому сейчас, с началом двухнедельных каникул, когда не нужно беспокоиться об экзаменах в середине семестра, мысль о том, чтобы остаться с ним наедине, приводит меня

в возбуждение. И хотя мы не спешим развивать отношения, я соврала бы, если бы сказала, что не думала о том, чтобы перевести их на новый уровень.

Плюсы:

Вместе почти год.

Мы старшеклассники, и нам почти восемнадцать.

Минусы:

Он еще не говорил «люблю тебя».

Не уверена, что могу сказать ему «люблю тебя».

Мама точно распереживается, если увидит этот список, поэтому я пытаюсь не торопить события.

Телефон булькает снова. Увидев иконку входящего сообщения, я чувствую, как екает сердце. Но это Марго прислала мне очередную фотку. Открываю ее и разглядываю несколько минут. Кто-то должен забрать у нее телефон.

Я:?! Что это?!

МАРГО: Это мои пальцы крупным планом. Между ними нет никакого промежутка. Я не могу ни пошевелить ими, ни раздвинуть их. Они как маленькие сардельки.

Я: Вдруг они никогда не станут нормальными?! Навсегда останутся как сардельки? А вдруг ты больше не сможешь носить шлепки потому, что перемычка не будет пролезать между пальцами? Ребенку будет стыдно за тебя с такими ногами.

МАРГО: Думаю, что пальцы сардельками на ногах лучше, чем на руках. Может, придется носить уродливые ортопедические туфли, как у тетушки Тоби.

Я: Ты можешь украсить их стразами. И написать свое имя краской сбоку. Это будут прекрасные туфли для пальцев-сарделек.

МАРГО: Теперь из-за тебя мне захотелось сарделек.

Я: Ты отвратительна. И ты запугала меня на всю оставшуюся жизнь. Я никогда не забеременею из-за страха пальцев-сарделек и уродливых ортопедических туфель.

Проходит несколько минут, прежде чем сестра присылает ответ.

МАРГО: Мама только что прислала сообщение, что ты не приедешь! Какого черта, Соф? Я надеялась, что ты спасешь меня от этих дрызг между мамой и Гвен. Ты же знаешь, как это бывает, когда они встречаются!

Я: Давай уж как-нибудь сама. Надеюсь, они будут сражаться за возможность вычистить ворсинки, застрявшие между твоими пальцами-сардельками. Возможно, им понадобится зубная нить.

МАРГО: Твоя картинка теперь всегда будет стоять у меня перед глазами. Я буду мучить тебя этими пальцами-сардельками до конца твоих дней!

Я: Я приеду, когда ты родишь.

МАРГО: Обещаешь?!

Я: Обещаю.

МАРГО: Ну что, Гриффин еще не примчался?

Я: Не твое дело.

МАРГО: Да брось. Нет, подожди... не уходи!

Я: Ха-ха.

Бегло просматриваю все социальные сети в ожидании звонка Гриффина. Наконец звонит телефон, и его имя высвечивается на экране. Я даже не пытаюсь подавить улыбку, расплывающуюся на лице.

– Привет! – он пытается перекричать громкую музыку и шум на заднем фоне.

– Привет! Ты где?

– У Мэтта.

Я уже видела несколько постов от ребят, которые собрались на заднем дворе и у бассейна дома Мэтью, в том числе и Эдди, моей лучшей подруги, с которой мы дружим с третьего класса.

– Ты едешь к Марго?

– Планы поменялись. Я остаюсь у бабушки с дедушкой. Но мне нужно быть там только через несколько часов.

– Что? Я тебя почти не слышу! – кричит Гриффин в трубку.

– Планы изменились! – кричу я. – Я остаюсь здесь!

Я слышу ритмичные басы на фоне, но не могу определить, что за песня играет.

– Не могу поверить, что твой отец не увез тебя.

– Такие дела. Хочешь приехать ко мне? Или я могу приехать к Мэтту.

Гриффин секунду молчит и потом говорит:

– Приезжай к Мэтту. Все здесь.

Чувствую приступ сильнейшего разочарования.

– Ладно, скоро буду, – отвечаю я и отключаюсь.

* * *

Народу в доме Мэтта оказалось больше, чем я ожидала увидеть. Сегодня – последний школьный день перед началом каникул, и, похоже, все хотят это отметить. Повсюду развешаны гирлянды и горят огоньки: на доме, в доме, вокруг дома, на кустах и деревьях.

В основном все одеты в футболки и шорты, поэтому даже такое количество лампочек не создает ощущения настоящего праздника. Какая зима, когда вокруг роятся комары! Дурацкий луизианский климат!

Я паркуюсь через четыре дома – на ближайшем месте, которое смогла найти, – и даже отсюда слышу музыку со двора Мэтта. Не удивлюсь, если через час соседи вызовут сюда полицию. Надеюсь, к тому времени все уже разойдется; будет сложно объяснить копу, который обязательно позвонит моему отцу, почему я нахожусь здесь, вместо того чтобы ехать к бабушке.

Добравшись до дома Мэтта, замечаю парня и девушку, сидящих на траве возле дороги, – по всей видимости, они ругаются. Рановато началось представление... Заметив меня, они умолкают, и я ускоряю шаг, чтобы не мешать им. Направляюсь в сторону, откуда доносится музыка, и попадаю на задний двор рядом с бассейном. Я уже собираюсь обогнуть дом, как вдруг чувствую, что кто-то тянет меня за руку, и тут же оказываюсь в крепких объятиях.

– Я уже думала, ты не придешь! – Эдди кричит так громко, что несколько человек оглядываются на нас.

– Представляешь, я смогла уговорить родителей поехать без меня!

– Не представляю! Ты остаешься у бабушки? – Она надувает губы. – Не могу поверить, что ты здесь!

Я улыбаюсь.

– Да, тебе придется поверить. У меня есть план. Бабушка будет так занята весь день, что вряд ли хватится меня. Я вернусь обратно, и мы сможем потусить.

– Твои родители взбесятся, если узнают. Надо спрятать твою машину. – Эдди подпрыгивает на месте. – О! Позовем Оливию. Я ее сто лет не видела!

Я киваю, хотя сомневаюсь, что она захочет вернуться со мной. Оливия – одна из моих многочисленных двоюродных сестер, дочь маминой сестры-близняшки Лизы. Я старше ее всего на два месяца, и в детстве мы были неразлучны, но в последние два года стали видеться реже.

– Оливия помогает бабушке в магазине. Не думаю, что она сможет отлучиться.

Эдди уже тащит меня к бассейну.

– Нам надо придумать, как вытащить ее оттуда, – с горящими глазами заявляет она.

– Ты видела Гриффина? – спрашиваю я, меняя тему.

– Нет еще, мы с отцом только что приехали. Может, он где-то там. – Она кивает в сторону дома. – Хочешь пива?

– Не-а, мне скоро ехать к бабушке. Пойду, поищу бутылку воды.

Эдди направляется к бочонку, спрятанному в кустах, а я протискиваюсь через толпу. Музыка гремит настолько оглушительно, что ребята, с которыми я пытаюсь поговорить по пути, вообще не слышат меня.

Наконец дохожу до комнаты и вижу там нескольких друзей Гриффина.

– Софи! В чем дело?! – Крис от удивления таращит на меня глаза, а потом пытается обнять.

Он уже разделся до майки и трусов. Я вытягиваю руку, чтобы он оставался на безопасном от меня расстоянии. На вечеринках Крис всегда напивается так, что раздевается почти догола. Однажды на школьную дискотеку по случаю Хеллоуина он оделся ковбоем, но к концу вечеринки на нем остались лишь пара кожаных гетр и боксеры. Ему пришлось неделю отсидеть в тюрьме за непристойное обнажение.

– Все в порядке. Где Гриффин? – спрашиваю я и разворачиваюсь, осматривая комнату.

Крис указывает куда-то за спину.

– Где-то там. Пошел за пивом.

Я киваю и обхожу его. Продвигаться через толпу людей трудно, но наконец я замечаю Гриффина, который как раз заходит в маленькую кухню позади раздевалки бассейна. Мне требуется несколько минут, чтобы добраться туда, потому что застреваю среди танцующих людей. Джош Питерс не дает мне пройти, пока не покружусь с ним несколько раз. Я почти захожу в кухню, как музыка вдруг перестает греметь, и я слышу голос Гриффина:

– Софи сейчас придет.

Я останавливаюсь, но не из-за слов, а из-за интонации, с которой он это говорит, – она полна разочарования.

Паркер, один из лучших друзей Гриффина, вытаскивает две банки пива из холодильника. Никто из них не замечает, что я стою за дверью.

– Я думал, она уезжает к своей сестре или еще куда-то, – говорит Паркер.

Гриффин качает головой:

– Должна была, но не уехала.

Он так разочарованно говорит о том, что я осталась, словно я испортила ему каникулы. Понимаю это по его голосу, и это ужасное чувство – узнавать, что кто-то, с кем ты мечтала о близости, кто заставляет тебя летать от счастья, оказывается, хочет от тебя избавиться. Мне не стоило оставаться здесь на каникулы.

Что происходит?

Гриффин начинает поворачиваться, и я прячусь за угол. Зачем я прячусь? Мне следовало бы ворваться к ним и потребовать объяснений. Но я стою, будто окаменев. Считаю до пяти и потом медленно заглядываю в кухню.

– Она будет здесь с минуты на минуту, – говорит он, но не двигается с места.

Паркер открывает одну из банок и протягивает пиво Гриффину. Тот делает большой глоток.

– И в чем проблема? – спрашивает Паркер. Конечно, он тоже слышит в его голосе огорчение.

Гриффин пожимает плечами.

– Конечно, я полная сволочь, но я обрадовался, что она уезжает. Знаешь, это была бы своего рода репетиция расставания.

Мое сердце громко стучит.

– Ты хочешь расстаться с ней? – спрашивает Паркер и делает еще глоток.

Гриффин снова пожимает плечами. Я еле сдерживаюсь, чтобы не закричать.

– Думаю, да.

Я ахаю. Паркер и Гриффин поворачиваются к двери. Глаза Паркера расширяются, и он переводит взгляд с Гриффина на меня и обратно.

Мгновение Гриффин пытается понять, слышала ли я то, что он сказал. Но выражение моего лица ясно говорит о том, что да – слышала.

Я отшатываюсь и хочу убежать, но ударяюсь о стену.

Мне нужно уйти отсюда. Не могу его видеть. Не могу быть здесь.

– Софи! – Гриффин идет за мной, но я прорываюсь к входной двери. Боюсь, не успею выбраться отсюда, не расплакавшись. Эдди замечает мое выражение лица и бросается ко мне через танцующую толпу.

– Что случилось? – спрашивает она, когда мы оказываемся с другой стороны бассейна.

Рухнув на землю, я рассказываю ей все.

– Подлец, – восклицает Эдди и разворачивается, словно собирается идти искать его.

– Пожалуйста, помоги мне выбраться отсюда, – умоляю я.

– Конечно. Идем.

Эдди помогает мне подняться с земли, и мы плетемся к парковке. Слезы текут по моему лицу, но я даже не пытаюсь их остановить.

Мое сердце разбито.

Нет, разорвано.

В ключья.

Он хочет расстаться со мной.

– Не могу поверить, что он такое сказал, – бормочет Эдди. – Он собирается расстаться с тобой? Бред. Это ему повезло, что ты у него есть!

Мне нечего ей ответить. И не думаю, что когда-нибудь вообще смогу об этом говорить.

Когда мы подходим к подъездной дорожке, мы замечаем Гриффина. Он бежит, оглядываясь по сторонам.

– Я не могу разговаривать с ним сейчас, – хриплю я.

Эдди кивает и уводит меня в тень, а потом выходит ему навстречу.

– Нет. Просто нет, – говорит она. – Она не хочет разговаривать с тобой.

Лицо Гриффина освещается фонарем, подвешенным к карнизу дома. Выглядит он ужасно.

Виноватым, да, но еще в его глазах читается грусть.

– Пожалуйста, Эдди. Мне нужно поговорить с ней. – Он всматривается в темноту, где я прячусь. – Пожалуйста, Софи, поговори со мной. Позволь мне объясниться. Я не хотел, чтобы все так получилось.

Я делаю шаг назад, не желая находиться рядом с ним... не желая слушать его извинения. Пробегая мимо кустов азалии к переднему двору, я спотыкаюсь на каждом шагу, пытаюсь увеличить дистанцию между нами.

Надеюсь, Гриффин не преследует меня. В глубине души мне хочется верить его словам, вывернуть все так, чтобы боль утихла. Но я не могу перестать слышать разочарование в его

голосе. Неважно, что он говорит, важно, что он не хотел меня видеть. Он не хотел быть здесь со мной.

Добравшись до машины, чувствую себя совершенно разбитой. Сзади раздаются тяжелые шаги, и я собираюсь с силами.

– Софи, пожалуйста, поговори со мной, – умоляет Гриффин.

Смотрю на машину. Он стоит прямо за мной, и я знаю, что Эдди тоже где-то рядом.

Поджимаю губы.

– Я так радовалась, что родители позволили мне остаться дома, потому что так мечтала о том, чтобы побыть с тобой. Просто вдвоем. Я так этого хотела. А ты хочешь отдохнуть. От меня. Так? Ты ведь этого хочешь?

Его рука мягко ложится на мое плечо:

– Повернись ко мне, поговори со мной.

Я стряхиваю его руку.

– Ты этого хочешь?

Чувствую, как он пытается подыскать правильные слова.

– Я не знаю, чего хочу, Соф. Сейчас все так запутано. У нас все стало так серьезно. А ведь это наш выпускной год. Мы должны веселиться!

Я разворачиваюсь к нему.

– Что ж, давай я облегчу тебе жизнь. Хочешь покончить с этим? Пожалуйста. Между нами все кончено.

Гриффин дотрагивается до меня, но я уворачиваюсь от его объятий. На его лице написано отчаяние, и мне приходит в голову, что это из-за того, что все происходит на самом деле. Отрепетировать расставание не получилось.

– Подожди, Софи. Мы можем поговорить об этом? Я люблю тебя. Правда люблю.

Его слова больно ранят меня. Я ждала этого признания много месяцев.

Я не могу сделать это.

Не могу остаться.

– Пожалуйста, останься и поговори со мной, – умоляет Гриффин.

Я поворачиваюсь и сажусь в машину.

Гриффин наконец отходит на обочину, а Эдди подбегает и заглядывает в окно.

– Давай я отвезу тебя.

Я слабо улыбаюсь ей.

– Я в порядке. Позвоню тебе позже, ладно? Люблю тебя.

Она влезает в окно и быстро обнимает меня.

– Я тоже тебя люблю.

Слава богу, Гриффин не двигается с места.

Через несколько минут я уже лечу по трассе I-20 в Шривпорт.

* * *

К тому моменту, когда я добираюсь до бабушки, у меня не остается никаких сил. Смотрю на себя в зеркало заднего вида и едва не вскрикиваю от ужаса при виде незнакомки с размазанными по всему лицу следами туши. Нос покраснел, глаза опухли, на рубашке, я уверена, полно засохших соплей.

Слава богу, свет почти нигде не горит, – значит, есть надежда, что никого, кроме бабушки с дедушкой, в доме нет. Тут запросто можно наткнуться на спящие тела прямо под дверью. Из восьми детей бабушки с дедушкой шестеро живут здесь, в Шривпорте, четверо из них – в соседних кварталах. И хотя можно подумать, что на ночь они расходятся по домам, обычно этого не происходит. Однако сегодня вечером дом выглядит тихим.

Я припарковываюсь на улице, хватаю сумку с заднего сиденья, дохожу до крыльца и останавливаюсь. Я не могу в таком виде зайти в дом. Бабушка позвонит родителям, и они с ума сойдут, узнав, что я не сразу приехала сюда, и расстроятся из-за Гриффина. Они любят его. Несмотря на все свои безумные правила, они уже считают его членом семьи.

Подложив под голову сумку вместо подушки, я ложусь на темные ступеньки и разглядываю полную луну. Сейчас мне хочется одного – оказаться в объятиях мамы и плакать. Целый год. Столько мы с Гриффином были вместе. Целый дурацкий год.

Чего мне не хватает? Мы оба были сосредоточены на учебе. Оба подыскивали колледж и готовились к поступлению. Я думала, наши отношения делают нас обоих счастливыми.

А оказалось, что он не получал удовольствия со мной.

– Ты собираешься ночевать здесь или все же зайдешь в дом и расскажешь мне, что случилось?

Я едва не падаю со ступеньки, когда надо мной склоняется лицо бабушки.

– Бабуля! – Я вскакиваю и бросаюсь в ее объятия, чудом не опрокинув нас обеих.

Она гладит меня по спине. Я снова начинаю плакать.

– Ну-ну, пойдем в дом, расскажи мне обо всем.

Мы заходим внутрь, держась за руки, и идем прямо на кухню – в сердце дома. Большая светлая комната с кучей шкафов и полочек. Огромный холодильник из нержавеющей стали, увешанный магнитами и наклейками, в котором, я знаю, все полки забиты едой. Вдоль стены стоит ряд барных стульев, а у окон, выходящих на соседний двор, – огромный деревянный стол. На нем всегда располагается ваза со свежими цветами.

Это моя любимая комната в доме.

Бабушка усаживает меня на барный стул, отрезает кусок самого вкусного на свете шоколадного торта. Здесь всегда всем хватает угощений, и сегодняшний вечер – не исключение.

– Не думаю, что ты плачешь от разлуки с мамой и папой. Наверно, дело в этом мальчике. Как его зовут?

– Гриффин, – бормочу я.

– Точно, Гриффин. Расскажи мне, что случилось.

Я медлю, прежде чем откусить кусочек торта. Мы с бабушкой всегда были близки, но никогда не разговаривали о моей личной жизни.

Она замечает мое смущение и говорит:

– Я вырастила четырех дочерей и, поверь, выслушала кучу драматичных историй о разбитых сердцах, рассказанных прямо на том же месте, где ты сейчас сидишь.

Я прыскаю со смеху. Бабушка гордится своей способностью чинить все, что ломается в этом доме, неважно, что именно сломалось. Она просто не может по-другому.

Она наливает мне стакан молока, и я наблюдаю за ее перемещениями по кухне. Через неделю с небольшим ей исполнится семьдесят пять лет, но ей ни за что столько не дашь, потому что седых волос у нее мало и кожа в очень хорошем состоянии. Она до сих пор может носить огромные пакеты с грунтом и сажает рассаду, хотя дедушка и нервничает из-за этого.

Я делаю глубокий вдох.

– Знаю, я говорила тебе, что буду у Эдди, но на самом деле я поехала в другое место: к другу, у которого была вечеринка. Я хотела повидаться с Гриффином до того, как поеду сюда, хотела удивить его, сказав, что не уехала далеко от него на каникулы.

Бабушка вскидывает брови.

– О-о-о, такие сюрпризы редко заканчиваются хорошо.

Я выдавливаю смешок.

– Подтверждаю.

Бабушка устраивается рядом со мной и откусывает большой кусок торта, а я начинаю рассказывать ей подробности. Наконец я умолкаю, а она продолжает поглаживать пальцами меня по спине, и я расслабленно прижимаюсь к ней.

– Софи, милая, я знаю: сейчас тебе кажется, что мир рухнул, но это не так. Лучше знать правду о том, что чувствует Гриффин, чем тратить на него свое время.

Она протягивает мне салфетку, и я вытираю глаза.

– Но я думала: мы хотим одного и того же.

– Все постоянно меняется. Может быть, ты думала, что вы движетесь в одном направлении, но это оказалось не так.

Покончив с тортом, она встает и ведет меня в комнату для гостей наверху.

– Эта комната только твоя до приезда родителей. Завтра будешь помогать мне в магазине. Занятые руки отвлекают от дурных мыслей. И Оливия будет очень рада, что у нее появилась компания. Она так переживает, что все остальные отдыхают на каникулах, а ей приходится работать.

Бабушка укладывает меня в постель и убаюкивает, как в детстве. Я помню эти мгновения.

Затем она целует меня в голову:

– Завтра все станет лучше.

Суббота, 19 декабря

Не хотелось бы называть бабушку врушкой, но наступило это «завтра», а мне по-прежнему очень тоскливо. Глаза, опухшие от вчерашних слез, едва открываются, и страшно болит голова.

Бросаю взгляд на телефон. Там тридцать два пропущенных вызова и сообщения.

Пролистываю их до имени Эдди и пишу ей короткий ответ: «У меня все нормально. Позвоню позже».

Потом пропускаю сообщения от Гриффина и открываю переписку с Марго.

Я: Ты проснулась, Пальцы-сардельки?

МАРГО: Конечно, проснулась. Я лежу в постели целый божий день, но никак не могу устроиться, чтобы было удобно спать. Как бабуля?

Я: Хорошо. Они уже почистили у тебя между пальцами?

МАРГО: ПРЕКРАТИ!

Я: Ты сама начала, прислав эти ужасные фотки.

МАРГО: Сменим тему. Расскажи мне, что приготовила бабуля вчера на ужин. Мама не разрешает мне есть неорганическую еду и все, что содержит ГМО.

Я: Трехъярусный шоколадный торт с шоколадной глазурью и шоколадной стружкой сверху. Я съела огромный кусок.

МАРГО: ЗАТКНИСЬ. Я бы отдала все свои деньги за то, чтобы ты принесла мне кусочек.

Я: Знаю, сколько всего ты покупаешь в Интернете, так что, думаю, на твоем счету недостаточно средств для такой услуги.

МАРГО: Что ж, будь осторожна, когда позвонит папа. Он вчера ужасно разозлился, что ты не позвонила, как добралась до бабушки.

Черт! Я совершенно забыла, что должна была сообщить ему.

Я: Насколько сильно он злился? Как когда мы разбили окно, когда пытались превратить машину Барби в ракету?

МАРГО: Ха-ха-ха! Нет, не настолько. Он позвонил бабушке, и она сказала, что ты в душе.

Я в долгу перед бабулей. Она меня прикрыла.

Я: Не хочу признаваться, потому что ты не дашь мне спокойно жить потом... Но я хотела бы оказаться рядом с тобой и твоими пальцами-сардельками.

Провожу пальцами по лицу, смахивая слезы. Я могла бы сесть в машину и прямо сейчас поехать к ним. И хотя я уверена, что потом до конца своих дней буду выслушивать упреки, по крайней мере, я смогла бы залезть в кровать к Марго и не вылезать оттуда до окончания Рождества.

МАРГО: Я тоже хотела бы, чтобы ты была здесь. Но ты была бы невыносима. Я невыносима. Брэд невыносим. Даже наша собака невыносима. Ты правильно сделала, что осталась у бабушки с дедушкой.

Стараюсь не расстраиваться. Знаю, что Марго обрадовалась бы, если бы я сказала ей, что скоро приеду. Но мое кислое настроение лишь подлило бы масла в огонь и ей стало бы еще хуже, чем сейчас.

МАРГО: У тебя все нормально?

Я: Да, все нормально. Попозже еще напишу.

Не знаю, почему я не сказала ей про Гриффина. У меня такое чувство, что если расскажу о том, что случилось, все станет необратимой правдой. К тому же у Марго сейчас и без того предостаточно причин для волнения. Она старается держаться, но сильно волнуется из-за ребенка.

Выключаю телефон, игнорируя остальные сообщения и пропущенные вызовы, и кидаю его на прикроватную тумбочку. Не могу больше об этом думать.

Зайдя в ванную, смотрю на свое отражение в зеркале: все куда страшнее, чем я себе представляла. Слезы меня не красят. Краснота вокруг глаз делает их еще темнее обычного, а моя достаточно загорелая кожа сейчас выглядит болезненно бледной. Вчерашние метания и волнения испортили мягкие локоны, которые я так старательно укладывала в надежде, что Гриффин обрадуется, увидев меня. Теперь мои длинные черные волосы превратились в спутанную копну.

Приняв душ и высушив волосы, я чувствую себя немного лучше. По шкале от «нормального состояния» до «полного отчаяния» я нахожусь где-то на отметке «сносно». Наконец медленно спускаюсь в коридор, направляясь к хору голосов, доносящихся из кухни, и готовлюсь к нападению.

Вся семья здесь.

Моя семья – это дикая компания. Дедушка родился и вырос на Сицилии. Он планировал вернуться домой, проведя некоторое время в Соединенных Штатах, но влюбился в мою бабушку. Отношения развивались, и мама моего дедушки чуть не устроила международный скандал, узнав, что он живет в Луизиане. Единственное, что ее удержало от такого поступка, – тот факт, что семья бабушки происходила из соседнего города.

Папа всегда сопротивляется, когда мы приезжаем сюда. Он единственный ребенок в небольшой семье и потому иногда, по его собственному признанию, чувствует себя здесь как в зоне военных действий. Я воспринимаю это не так остро, но, поскольку мы единственные помимо дяди Майкла, кто не живет в Шривпорте, чувствую себя аутсайдером.

Хотя так я себя чувствовала не всегда. Когда я была помладше, то проводила каждое лето и все каникулы здесь, в обществе двоюродных братьев и сестер и соседских детей. Это было похоже на летний лагерь. Больше всего я дружила с Оливией, моим двоюродным братом Чарли и его лучшим другом Уэсом, который живет в соседнем доме. Дядя Брюс, отец Оливии, даже называл нас «великолепной четверкой». Но чем старше мы становились, тем больше отдалялись друг от друга. Трое из нас пошли в одну школу, ходили в одни и те же кружки и играли в одной команде. А я пошла в другую школу и ходила в другие кружки, играла в своей команде. Я стала реже приезжать и меньше общаться с ними.

Тетя Мэгги Мэй первая замечает меня, как только я захожу в кухню.

– Ну наконец-то! С каждым разом ты все больше становишься похожа на свою мать!

Знаете таких людей, которые смеются над выговором южан? Они точно вдохновляются моей тетей. Мэгги Мэй, жена Маркуса, брата моей мамы, была одной из тех коренных красавиц южанок той поры, когда для выхода в свет наряжались в белые платья. Она никому не позволяет об этом забывать.

Она притягивает меня к себе, и я боюсь задохнуться в ее огромных грудях.

– Благослови тебя Господь, милая. Я слышала, что твое сердце разбито. Этот парень не понял, как Бог был милостив к нему.

«Хм... спасибо, тетя Мэгги Мэй», – думаю я.

Несколько минут меня передают из рук в руки по кругу, целуют в щеки, лоб и даже губы (это тетя Келси, которая вообще не в курсе, что существуют личные границы). Сажусь на барный стул, а тети возобновляют свой спор о том, у кого фруктовый салат вкуснее и какой вариант нужно подавать на ланч в Рождество: у тети Келси, которая готовит его по классическому рецепту, или у тети Патрисии, которая добавляет в него желе. Я вообще не люблю фруктовый салат, но держу язык за зубами.

У тети Мэгги Мэй четверо детей: девочки-близняшки, почти мои ровесницы, и сыновья-близнецы, которые намного младше. Сестры-близняшки, Мэри Джо и Джо Линн, несмело машут мне, сидя в другом конце кухни, и я машу им в ответ, чувствуя себя еще более неловко. Когда они были маленькие, их одевали совершенно одинаково, и единственным отличием была монограмма. Даже сейчас, когда им уже восемнадцать лет, они стараются *походить друг на друга*. Это странно. Они на год старше Оливии, Чарли и меня, но мы учимся в одном классе. Чарли называет их «злодейки Джо», потому что, когда нам было лет двенадцать, они заперли его в доме, который мы арендовали во Флориде, в одних трусах с аппликацией из «Звездных войн». Честно говоря, ему давно пора было перестать их носить. Несколько девочек-подростков, с которыми он флиртовал всю неделю, увидели его, и, естественно, это было самое смешное зрелище, которое они видели в жизни. Каждый раз, встречая Чарли, они прыскали со смеху.

Он так и не оправился после той истории.

Моя тетя Лиза, близняшка мамы, и ее сын Джейк тоже здесь.

– Соф, милая! Так рада тебя видеть! – Тетя Лиза очень похожа на маму, и я едва сдерживаю крик, когда вижу ее.

– Я тоже очень рада тебя видеть! – Я обнимаю ее немного дольше обычного. Она даже пахнет как мама. – Где Оливия?

– Уже в магазине, – отвечает она. – Я слышала, что бабушка хочет, чтобы ты тоже работала в магазине все каникулы.

– Конечно, хочет, – улыбаюсь я.

Джейк слегка толкает меня локтем:

– Черт побери, девушка. Ты фигово выглядишь.

Тетя Лиза дает ему подзатыльник.

– Джейк, не будь идиотом.

Он смеется и уходит, ковыляя, в поисках свободного места за столом. Джейк сломал ногу, делая какие-то дурацкие упражнения, видимо, желая подрасти и придать себе солидности, и теперь носит специальный ортопедический сапожок.

Чарли плетется ко мне, и я спрыгиваю с барного стула ему навстречу, расплываясь в улыбке. Мы не виделись сто лет. Он на секунду замирает, а потом нерешительно полуобнимает меня. Я немного удивляюсь его смущению, а потом сама обнимаю его по-настоящему и чувствую себя гораздо лучше, чем за все это утро.

– Ты в порядке? Бабушка рассказала мне, что у тебя случилось с Гриффином, – говорит Чарли, когда я наконец выпускаю его из объятий.

Конечно, бабушка рассказала ему. Она, видимо, уже успела рассказать об этом всем.

– Да. Я в порядке.

Он садится на стул рядом со мной.

– А помимо этой проблемы с бойфрендом, как дела?

Я пожимаю плечами.

– Нормально. Полно дел. А у тебя как?

Он кивает.

– Нормально. Тоже очень занят.

Чарли умолкает, и я ломаю голову, пытаюсь придумать, о чем еще можно его спросить. Ох, с каких это пор общение с Чарли стало таким трудным?

Прежде чем я успеваю что-то придумать, он спрашивает:

– Мы планируем погулять вечером после семейного ужина. Ты с нами?

Я делаю слишком большой глоток кофе, и горячий напиток попадает не в то горло.

– Семейный ужин сегодня вечером? – откашливаясь, переспрашиваю я. Если история о том, что мой бойфренд собирается бросить меня, уже известна всем, то не уверена, что хочу видеть все эти сочувствующие лица, которые, конечно же, будут там.

Чарли улыбается.

– Ты же знаешь, бабуле ничего не стоит собрать всех вместе, а твой приезд привлечет еще больше гостей. Можем пойти к Уэсу, чтобы убежать от толпы.

Уэс живет в соседнем доме и для Чарли он как брат, потому что Чарли провел половину своего детства в их доме. Родители Чарли познакомились, когда оба работали в организации «Врачи без границ» на Филиппинах, откуда родом тетя Аин, и оба продолжают работать там и оказывать помощь людям по всему миру. Чарли и Сара остаются у бабушки, когда их родители в отъезде. А это значит, что Чарли практически всегда остается у Уэса.

– Позовем еще Оливию, – говорит он. – «Великолепная четверка»... как в старые добрые времена.

По телу пробегает нервная дрожь, но я отвечаю:

– Конечно! Будет прикольно!

Чарли усмехается и хватает маффин. Он выходит, прежде чем я успеваю передумать.

Бабушка ставит передо мной тарелку с кишем и стакан свежавыжатого сока.

– Сегодня тебе получше? – шепотом спрашивает она.

Я киваю, а она наливает мне еще кофе.

– Идем в магазин через час, хорошо?

– Хорошо, – отвечаю я.

Теперь мне нечем больше заняться.

* * *

Магазин на самом деле – обычный старый дом по соседству, который со временем дорожает в цене. Большинство хозяев других магазинов решили поносить старые дома и построить на их месте новые, но бабушка с дедушкой оставили маленький аккуратный голубой домик в его первоначальном виде. Весь задний дворик превращен в большую оранжерею, а внутри продаются всевозможные садовые принадлежности, статуэтки и прочие украшения. У домика такой уютный, домашний вид, что это привлекает многих покупателей.

Когда мы были маленькими, играли в прятки в оранжерее на заднем дворе и помогали сажать цветы на клумбах перед входом. Волна воспоминаний накатывает на меня, когда иду по парадной дорожке.

Перед тем как исчезнуть в оранжерее, бабушка кивает в сторону крыльца.

– Оливия, должно быть, уже внутри. Поможешь ей сегодня на кассе?

Я киваю и останавливаюсь перед широкой лестницей, ведущей на крыльцо. На каждой ступеньке стоит горшок с красными пуансеттиями, а на входной двери висит огромный зеленый венок, обвязанный красной лентой и украшенный бантом. В газовых фонарях, висящих по обе стороны дверного проема, пляшут язычки пламени, и я отчетливо слышу запах имбирных пряников.

Чувствую внутреннее сопротивление перед тем, как войти внутрь, как бы нарядно ни выглядела дверь. Последний раз мы с Оливией виделись очень давно, и я внезапно начинаю волноваться.

Делаю глубокий вдох и открываю дверь. Оливия тащит большущий мешок горшечного грунта к старому деревянному столу в углу. Похоже, она занята пересадкой розмарина в декоративные горшки.

– Привет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.